

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

А.Г. Аннин,

*д.и.н., заведующий кафедрой
государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС*

В статье рассмотрены политические риски государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, предложены пути нормализации этноконфессиональных отношений. На основе анализа межнациональных отношений последних лет в центральной России и Поволжье прослежена взаимосвязь с социально-экономической ситуацией в стране.

Ключевые слова: национализм светский и религиозный, этноконфессиональные отношения, мультикультуранность.

Современные многонациональные и поликонфессиональные государства Запада сталкиваются с проблемами иммиграции и мультикультурализма. Россия, являясь страной второго эшелона модернизации, также ощущает обострение межконфессиональных и межэтнических отношений. Во многих странах разрастаются угрозы более высокого порядка, начиная с сепаратистских устремлений и кончая распадом государства.

Национализм как социальное явление в России условно можно подразделить на «русский» и «нерусский». Оба они носят внутренне противоречивый характер, что, с одной стороны, снижает порождаемые ими риски, а с другой – делает их конкретные проявления исключительно трудно прогнозируемыми.

Непосредственным проявлением организованного «русского» национализма стали многотысячные «Русские марши», приуроченные ко Дню народного единства и проходящие не только в столице, но и во многих городах европейской части и Юга страны, Урала, Сибири. Они, как правило, не сопровождаются насилием. Общий настрой отражают лозунги «Россия для русских», «Москва для москвичей» и т.п. Пытаясь снизить накал «русского» национализма, прокремлевские молодежные организации проводят свой «Русский марш», но без националистических лозунгов.

Еще до событий на Манежной площади 51% москвичей считал межнациональные отношения в городе «напряженными, плохими и даже конфликтными». События 11 декабря 2010 г. на Манежной площади и последовавшие за ними выступления «нерусских» националистов 15 декабря у торгового

центра «Европейский» продемонстрировали экстремистскую сторону национализма. Произошел всплеск группового экстремизма.

Активизировались «русские» экстремистские националистические организации – запрещенные ныне Славянский союз и Движение против нелегальной иммиграции, воссозданная на основе распущенного Славянского союза «Славянская сила» и некоторые другие группировки, преимущественно молодежные. Отставные военные, тесно связанные с «Народным ополчением Минина и Пожарского», члены которого принимали активное участие в беспорядках на Манежной площади, пытались создать организацию «Народный фронт освобождения России». Интернет-сообщество поддержало заявление бывшего лидера Славянского союза Д.Демушкина о намерении создать коалицию националистических организаций.

Запретительные меры и ужесточение мер по противодействию политическому экстремизму со стороны властей на короткий срок привели к «уходу в тень» сторонников националистических организаций. Сторонники запрещенных ДПНИ и Славянского союза, Союз русского народа, Русское имперское движение и целый ряд других объединений образовали националистическое движение «Русские».

Опросы общественного мнения, проводимые такими авторитетными организациями, как ФОМ, ВЦИОМ и «Левада Центр», фиксируют рост националистических настроений среди русского населения. Так, если в 1998 году лозунг «Россия для русских» поддерживали 43% респондентов, то в 2010 г. – 54%, в 2011 г. – 58%, а в 2013 г. – две трети опрошенных.

Более половины россиян считают возможными

массовые кровопролитные столкновения на национальной почве, а 30% респондентов видят возможность таких столкновений в своем родном городе или поселке. Каждый четвертый россиянин сталкивался с ситуациями, при которых возникало желание принять участие в акциях протеста. К росту подобных националистических настроений, которыми в той или иной степени оказалось охвачено не менее половины тех, кто считает себя русскими, надо относиться со всей серьезностью.

Мониторящий с 2004 года националистические настроения в стране «Левада-Центр» называет основной причиной национализма «вызывающее поведение нацменьшинств». Далее следуют «плохие условия жизни в России», «национальные предрассудки русских», неспособность властей справиться с вспышками национализма, заинтересованность властей в раздувании националистических настроений и теракты последних лет.

Национальные чувства россиян, и прежде всего русских, определяются факторами, которые слабо связаны с национальной ментальностью. Сегодня 59% россиян сожалеют о распаде Советского Союза, т.к. порядок вещей, присущий доперестроечному СССР, отвечал представлениям о роли страны в мире, удовлетворял национальную гордость. Русский национализм начала XXI в. является в своей основе державно-ностальгическим.

Русский национализм не однороден. В нем присутствует весомая доля изоляционизма. Особенно четко это проявляется по отношению к южным районам России и СНГ, откуда идет неконтролируемый приток мигрантов.

Ключевой смысл лозунга «Россия для русских» заключается в стремлении сохранить за русскими статус титульной нации. Именно такого рода «статусный национализм» и определяет ментальность многих из тех, кто поддерживает лозунг «Россия для русских» в «разумных пределах». Их отличие от экстремистов заключается в опоре не на насилие, а на соревнование и «сожительство» различных культур и конфессий.

Не все, кто поддерживает лозунг «Россия для русских», являются националистами. Среди них те, кто болезненно воспринимает резкое ослабление русской культурной доминанты в общем сознании россиян и стремится восстановить и сберечь ее. Для федеральной и региональной власти важно осознать позитивную роль русской культуры, русского языка и русского народа в целом в конструировании гражданской нации, которая призвана стать основой общегосударственной российской идентичности.

Ни экстремистский, ни «бытовой» национализм пока не представляют прямой угрозы для целостности страны, и предпринимаемых мер достаточно, чтобы предотвратить его экспансию, сократить число активных и пассивных националистов. Линия на развитие и укрепление общероссийской идентичности и определенные успехи в ее осуществлении подтверж-

дают реальность такой перспективы. Однако на этом пути возможны два препятствия: 1) возможность резкого усиления недовольства некоторых групп своим материальным положением, 2) возможность прямого столкновения русского национализма с исламским фундаментализмом и экстремизмом, причем не только в больших и малых российских городах, но и в республиках и других этнонациональных образованиях России.

Русский национализм носит преимущественно светский характер. Его религиозная составляющая не столь явно политизирована. Национализм же в нерусских национальных и этнических сообществах имеет под собой преимущественно религиозную основу, в которой доминирует ислам, объединяющий большую часть 20% нерусских россиян, являющийся наиболее активной и политизированной из всех нехристианских конфессий.

Рассмотрим тенденции, которые более или менее отчетливо прослеживаются в мусульманских регионах Поволжья. Поволжье – выгодный с геополитической точки зрения регион, и сейчас в нем пытаются разжечь костер экстремизма.

Исследователи отмечают устойчивость национального самосознания татарского народа, стремление местного населения укрепить роль национально-этнического компонента в сферах политики, экономики, культуры. Проявляет себя тенденция к сближению между татарской и русской частью жителей республики при сохранении откровенно националистических, сепаратистских тенденций.

Рост религиозной активности татар в 90-е годы выявил дефицит собственных религиозных кадров. Миссионеры из Саудовской Аравии, Египта, других арабских стран начали работу с молодежью. Деятельность эта шла вразрез с традиционным для мусульман Урало-Поволжья духом согласия и мирного сожительства с другими конфессиями и привела к распространению чуждых мусульманам региона фундаменталистских идей.

Чтобы не допустить беспрепятственного распространения заимствованных за рубежом норм поведения, в 1998 г. тогдашнее руководство мусульманской общины Татарстана провело объединительный съезд, на котором было создано единое Духовное управление мусульман (ДУМ). Эти объединительные усилия натолкнулись, однако, на неприятие возвращавшихся из зарубежья молодых людей. Начали возникать радикальные секты (салафиты). Сегодня необходимо изменить положение дел в религиозном образовании, которое сегодня во многом строится не на традициях, а на трудах салафистских шейхов.

Экстремистские настроения характерны для руководства Милли Меджлиса татарского народа.

В ноябре 2013 года в связи с участвовавшими случаями поджогов православных объектов в республике, которые были признаны прокуратурой терактами, Общество русской культуры Татарстана распространило специальное заявление, в котором

обвинило Духовное управление мусульман и власти Татарстана в дискриминации православия. Бездействие властей республики вынудило прихожан организовать патрулирование территорий вокруг церквей в ночное время.

Российский институт стратегических исследований (РИСИ), эксперты которого наблюдают за ситуацией в Татарстане, обозначил свою позицию в связи с последними событиями в республике в соответствующем заявлении: «В 2013 году Татарстан рискует войти во все мировые отчеты христианских правозащитных организаций как точка напряжения. Похоже, что речь идет о намеренном и системном уничтожении церковных памятников и богохульстве».

Дает о себе знать и «светский» татарский национализм. Прямые протестные акции не встречают поддержки и понимания у татарских деятелей, задающих тон в представительных органах республики.

Усилиями политической и бизнес-элиты происходит «татаризация» экономики республики. Местные бизнес-элиты усиливают свою независимость от Москвы, чему способствует, в частности, фактическая независимость Татарстана от российской экспортной «трубы». Сходную позицию занимают и республиканские власти. Так, президент республики Р.Минниханов в открытую заявил о своем несогласии с решением Президента России В.В. Путина о выходе чиновников из советов директоров государственных компаний.

Несмотря на повышение роли религиозной обрядности и религии как таковой, с начала 2000-х годов в республике происходит укрепление общероссийской идентичности. За последние 10 лет доля этнических татар, ощущающих себя и татарами, и россиянами, выросла с 35% до 62%, в то время как доля считающих себя «чисто татарами» снизилась с 36% до 29%. Сочетание общероссийской и республиканской идентичности характерно и для 60% русского населения. Иначе говоря, 2/3 населения республики – это не просто татары и русские, но одновременно и «россияне».

Если указанный тренд к сближению на базе формирования российской нации будет развиваться такими же темпами, что и раньше, проблема национализма и исламского фундаментализма в республике утратит свою остроту. Гораздо более вероятной выглядит перспектива длительного сохранения национализма как в сознании, так и в поведении граждан республики.

Проблемы исламского фундаментализма и «мягкого» светского национализма не обошли стороной и соседнюю с Татарстаном Республику Башкортостан. Подобные проблемы здесь не так бросаются в глаза, но они зримо присутствуют. По инициативе главы республики Рустэма Хамитова заседание Президиума Госсовета, посвященное проблемам межнациональных отношений, было проведено именно в Уфе.

Доля этнических русских в Башкортостане составляет 36%. В республике проживает небольшое

количество чувашей и представителей других этносов. Доля этнических башкир в республике не превышает 30%. Однако вместе с татарской общиной в конфессиональном отношении она охватывают около 60% населения.

Из 1160 культовых сооружений в республике 900 составляют мечети, в то время как число православных храмов не достигает и 200. 67% религиозных организаций являются мусульманскими.

Особенно беспокоят и власть, и общественность проявления экстремизма, в том числе попытки организации террористических акций.

На территории республики активно действуют участники запрещенной в России международной экстремистской организации «Хизб ут Тахрир аль Ислами», а также члены «Октябрьского джамаата», являющегося филиалом террористической исламистской организации «Имарат Кавказ», призывающей к «войне с неверными».

«Светский национализм» в Башкортостане проявляется в преподавании русского языка как «неродного», сокращении количества учебных часов, снижении качества обучения. Нежелание властей Башкортостана обеспечить школьникам республики возможность изучать русский язык по полной программе ведет к изоляционизму.

Часть башкирского населения недовольна нынешним политическим статусом республики и обсуждает возможность совершенствования федеративного устройства России с учетом опыта Великобритании, пошедшей на расширение прав парламента Шотландии и ассамблеи Уэльса.

Исламский фундаментализм и «мягкий» светский национализм здесь, как и в Татарстане, довольно сильно разведены. Но это ни в коей мере не облегчает задачи более тесной интеграции башкирской нации и Башкортостана в целом в общероссийской социум.

Сбои в межнациональных отношениях проявляются и в Республике Чувашия, где исламский фактор не так силен, но культурно-политические аспекты этих отношений проявляются достаточно часто. С приходом на пост президента М.Игнатъева в республике участились проявления национализма на фоне недружественного отношения к русскому языку и русской культуре.

Звучащие порой заявления о том, что межнациональные и межконфессиональные отношения в России все больше встраиваются в существующий правовой порядок, а сам этот порядок становится более рациональным и совершенным, пока не имеют под собой достаточных оснований.

На серьезность националистической угрозы указывает и недавно опубликованный доклад Института социологии РАН и Фонда Эберта, посвященный социально-политической ситуации в РФ. Зафиксировав усиление в российском обществе агрессивных настроений, авторы доклада обращают внимание на «нарастание в России националистических идей»,

особенно в молодежной среде. Согласно их заключению, вероятность конфликтов на национальной почве в стране сегодня очень высока.

Государственную политику в сфере этноконфессиональных отношений будет определять природа «русского» и «нерусского» национализма. С этим связано существо возникающих рисков.

Что касается «русского» национализма, то у него «статусная» подоснова, которая не только вызывает к жизни стремление сохранить лучшие черты русской нации, воссоздать утраченное или утрачиваемое культурное поле, но и побуждает известную часть русской общественности мечтать о возрождении державности и политического доминирования.

Относительно природы «нерусского» национализма следует отметить, что его истоки кроются в «суверенизации» национальных республик, которая была связана с желанием избавиться от «неравновесности», обусловленной положением в империи, каковой фактически был Советский Союз. Это ключевое противоречие, стимулировавшее рост «русского» и «нерусского» национализма, осталось, и именно оно и определяет специфику межнациональных отношений в России. Разрешить данное противоречие невозможно, но его можно ослабить.

Сегодня государственная власть и общественность озабочены состоянием этноконфессиональных и приступили к поиску путей их нормализации в рамках двух наиболее вероятных вариантов государственной политики в рассматриваемой сфере. Первый из них – модернизированный авторитаризм, второй – либерально-демократический.

Модernизированному авторитаризму присуща значимая социально-экономическая составляющая, призванная обеспечить равновесные отношения между обществом, бизнесом и властью. В основе – современная промышленная политика, основанная на принципах государственно-частного партнерства, способствующая снижению социального неравенства. В идеологической сфере, которая должна определить суть общественных отношений, в том числе межнациональных, упор делается на обновленную российскую державность и патриотизм. В практической плоскости это может вылиться в воссоздание близких к традиционным формам межнациональных и межконфессиональных отношений при жестком подавлении экстремизма как русских, так и нерусских националистов.

Пресечение опасной экспансии «русского» национализма пойдет по пути введения его в управляемое русло. Для этого могут быть внесены изменения в программные и политические документы «партии власти» и «системной оппозиции», либо создана влиятельная умеренно-националистическая партия

типа «Родина» или объединение типа «Конгресса русских общин». Будет сделана ставка на более значимую культурно-национальную автономию без политического содержания.

К сожалению, при данном сценарии основное противоречие в сфере этноконфессиональных отношений сохранится и начнет обостряться. «Нерусский» национализм, лишенный легальных способов существования, уйдет в подполье, будут стерты грани между «цивилизованным» и радикальным национализмом, произойдет сращивание «городского» национализма с «республиканским».

Сторонники либерально-демократического варианта государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений, как и приверженцы стратегии модернизированного авторитаризма, исходят из того, что прогрессу в данной сфере будут способствовать инновационное развитие и модернизация. Однако, в отличие от последних, они считают, что модернизация должна иметь не только социально-экономическое, но и политическое измерение. Стремясь к мультикультурализму, адепты либерально-демократического варианта понимают, что концепция и практика поликультурного общества в России весьма существенно будет отличаться от западного варианта. В отличие от России на Западе присутствует «внутригородской» характер межэтнических и межконфессиональных отношений, что значительно упрощает решение возникающих проблем.

Главной особенностью межэтнических и межконфессиональных отношений в России является взаимосвязь «городских» и «республиканских» этноконфессиональных сообществ, взаимообуславливающая их установки и поведение. Пока остаются такие связи, мультикультурность на городском уровне невозможна при сохранении межэтнической и межконфессиональной напряженности внутри национально-этнических образований, а нормализация этноконфессиональной ситуации внутри национально-этнических образований – при сохранении напряженных отношений между местным населением и диаспорами на уровне городов.

Сторонники либерально-демократического варианта государственной политики распространяют ее действие лишь на «городской» уровень, делая такой вариант этноконфессиональной политики практически нереализуемым.

Подытоживая написанное, следует отметить, что выработка государственной политики в сфере этноконфессиональных отношений, учитывающая существующие политические реалии, возможна лишь в рамках конструктивного диалога между приверженцами двух вариантов такой политики.